

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова», доктор
химических наук, профессор

Александр Ильич Русаков

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Гудимы
Кристины Николаевны «Общая часть уголовного
законодательства Приднестровской Молдавской
Республики: итоги и перспективы развития»,
представленную на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное
право и криминология; уголовно-исполнительное право
(Краснодар, 2020. – 177 с.)

Актуальность темы исследования. Основные положения уголовного права Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР), равно как и России, закреплены в Общей части Уголовного кодекса (далее – УК). Нормы Общей части формулируют важнейшие общеконцептуальные характеристики уголовного права. Вместе с тем, теоретический и прикладной анализ Общей части УК ПМР показывает, что данная структурная единица Кодекса, при всей ее позитивной системообразующей роли в функционировании и развитии уголовного права ПМР в целом, вряд ли может быть признана оптимальной. В частности, Общая часть УК ПМР наряду с установлением бесспорно позитивных и прогрессивных юридических положений, заимствованных в УК РФ, либо отражающих новые политические и социально-экономические реалии ПМР, воспроизвела отдельные недостатки Общей части УК РФ, а также добавила к ним собственные дефекты.

Поэтому в сложившихся условиях ощущается насущная потребность в комплексном изучении феномена Общей части уголовного законодательства ПМР, оценке итогов и перспектив ее развития, выработке предложений по ее оптимизации. Такого рода исследование представляет значительный теоретический и практический интерес и для российской доктрины. Дело в том, что традиционно в отечественной уголовно-правовой науке данная проблематика рассматривается в рамках российского права (в трудах В.П. Коняхина, А.В. Наумова и др.). Автор же «сделал ставку» на анализ опыта построения Общей части уголовного законодательства другой страны (ПМР),

что весьма ценно и для российской науки, поскольку общеизвестна польза изучения зарубежного опыта для совершенствования национального права. К тому же в представленной диссертации Общая часть УК ПМР изучается не сама по себе, а в том числе в сравнении с российским опытом, что лишний раз подчеркивает актуальность диссертации для отечественной уголовно-правовой теории. С учетом изложенного выполнение К.Н. Гудимой специального исследования по указанной проблематике является весьма полезным и актуальным событием в уголовно-правовой науке.

Касаясь *степени разработанности* темы, автор обоснованно отмечает, что труды молдавских и приднестровских ученых, посвященные исследуемой проблематике, крайне немногочисленны и в явно недостаточной степени отражают специфику уголовного законодательства ПМР как самостоятельного государства (с. 7).

Объектом исследования диссертант избрал комплекс теоретико-прикладных проблем, связанных с предшествующим, современным и будущим развитием структуры и содержания Общей части уголовного законодательства ПМР (с. 8).

К.Н. Гудимой была поставлена *цель* разработки теоретических основ ретроспективной, современной и перспективной моделей построения Общей части уголовного законодательства ПМР (с. 7). Для достижения данной цели автор поставил перед собой ряд *задач*: выявить исторические предпосылки, обстановку и особенности формирования и развития Общей части уголовного права ПМР; определить круг формальных источников Общей части уголовного права ПМР; выявить специфику толкования норм Общей части УК ПМР на современном этапе; установить место уголовно-правовой системы ПМР на правовой карте мира; раскрыть отличительные особенности построения Общей части УК ПМР 2002 г. в сравнении с УК РФ 1996 г. и УК Республики Молдова 2002 г.; обозначить основные направления совершенствования Общей части УК ПМР, а также предложить авторский проект ее отдельных корректировок структурного и содержательного характера. (с. 8). *После внимательного прочтения научного труда диссертанта у нас нет сомнений в том, что указанная цель им достигнута, а поставленные задачи успешно решены.*

В достаточной степени, как представляется, разработаны автором *теоретическая, методологическая и нормативная основы исследования*. В частности, при подготовке диссертации использованы как общенаучные методы познания (диалектический и системно-структурный), так и частно-научные: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический и метод экспертного опроса. Нормативная база исследования включает Конституции ПМР 1991 г. и 1995 г., международные нормативные правовые акты, уголовное законодательство СССР и Молдавской Советской Социалистической Республики, Уголовный кодекс ПМР 2002 г. и иные

нормативные правовые акты Приднестровья, действующее уголовное законодательство РФ и Республики Молдова, а также акты об объявлении амнистии в ПМР. Этим же (надлежаще разработанными теоретической, методологической и нормативной основами исследования) в значительной степени гарантирована *достоверность результатов исследования*.

В качестве *эмпирической базы* задействованы официальные статистические данные, отдельные интерпретационные акты Верховного Совета и Конституционного Суда ПМР, материалы Судебного департамента при Верховном Суде ПМР, постановления Пленума Верховного Суда ПМР (за период с 2004 по 2020 гг.). Кроме того, в диссертации нашли отражение результаты самостоятельно проведенного в 2020 г. анкетирования профессиональных юристов и жителей Приднестровского региона, направленного на выявление мнения респондентов относительно концепции и отдельных предписаний Общей части УК ПМР 2002 г. (с. 10).

Научная новизна диссертации не вызывает сомнений, так как соискателем выполнено первое монографическое исследование теоретических основ построения Общей части уголовного законодательства ПМР с учетом ее региональных особенностей и в сопоставлении с нормотворческим и правоприменительным опытом РФ. Свое предметное выражение новаторство работы нашло в положениях, выносимых на защиту (с. 11-14). В частности, в работе К.Н. Гудимы: предложена авторская периодизация генезиса Общей части уголовного законодательства ПМР; доказано, что на протяжении всех этапов ее развития (советский и 30-летний период независимости) появлялись нормативные предписания, не имевшие аналогов в российском законодательстве; сформулированы предложения по совершенствованию содержания УК ПМР и практики его применения.

Теоретическая значимость исследования также бесспорна, поскольку рассматриваемая диссертация восполняет пробел и вносит заметный вклад в систему научных знаний об истории уголовного законодательства ПМР, источниках, содержании и структуре его Общей части; дает представление об отдельных аспектах приднестровской уголовной политики на современном этапе. *Практическая значимость исследования* заключается в том, что работа К.Н. Гудимы представляет безусловный интерес в плане совершенствования и применения уголовного законодательства ПМР, она будет полезной для преподавателей ВУЗов и научных работников. Кроме того, полученные автором выводы и предложения могут быть восприняты в процессе подготовки актов официального толкования отдельных предписаний Общей части уголовного законодательства ПМР Верховным Советом и Конституционным Судом ПМР, при принятии постановлений Пленума Верховного Суда ПМР, а также непосредственно в правоприменительной деятельности.

Диссертационный труд прошел *надлежащую апробацию* на различных научно-практических конференциях (2017-2019 гг.), в десяти публикациях, пять из которых размещены в журналах, включённых в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных положений диссертационных исследований, а также путем внедрения результатов исследования в учебный процесс юридического факультета им. А.А. Хмырова КубГУ, Краснодарского университета МВД России, а также Тираспольского юридического института МВД ПМР им. М.И. Кутузова. (с. 14-15).

В *первой главе диссертации «Краткий экскурс в историю становления и формирования Общей части уголовного законодательства Приднестровской Молдавской Республики»* (с. 16-45) раскрыта специфика становления уголовного законодательства Приднестровья. Здесь констатируется, среди прочего, что самостоятельная государственность на современной территории ПМР возникла только в новейшей истории. Следует согласиться с автором в том, что, хотя ПМР до сих пор считается непризнанной на международной арене страной, о ее суверенитете свидетельствуют следующие обстоятельства: обособление республики на постсоветском пространстве проходило в правовом поле того времени; важнейшие решения на государственном уровне принимались посредством референдума; в ПМР полностью сформированы государственный аппарат и нормативная правовая база (с. 33-36). К тому же, оставляя в стороне вопрос о признании или непризнании ПМР, следует отметить, что факт существования данного государства является свершившимся.

На основе тщательного анализа доктринальных позиций относительно периодизации истории уголовного законодательства Приднестровья соискатель разработал собственный подход по вопросу становления и развития уголовного законодательства Приднестровья. Им выделяются 3 этапа: 1) применение советского уголовного законодательства на всей территории Молдавии, исключая территориальное разделение регионов, ранее входивших в МССР (1961–1991 гг.); 2) становление молдово-приднестровского уголовного законодательства на фундаментальных основах советского уголовного права (1991–2002 гг.); 3) переход от постсоветской модели уголовного права к собственной приднестровской, с учетом законодательного опыта похожих по менталитету и культуре стран-соседей – России, Республики Молдова, Республики Беларусь, Украины, а также дальнейшая систематизация, модернизация, унификация и гармонизация приднестровского уголовного права на базе наиболее оптимальной для данного региона корреспондирующей российской модели (2002 г. – настоящее время) (с. 22).

Далее в диссертации подробно характеризуются особенности каждого из названных этапов, причем многие выводы и суждения автора являются весьма ценными и познавательными, а также заслуживающими поддержки. В

частности, справедливо отмечается, что при построении Общей части УК МССР был реализован дифференцированный подход к различным группам преступников: ужесточение репрессии в отношении особо опасных рецидивистов, но применение альтернативных наказанию мер уголовно-правового характера, в частности, к несовершеннолетним. Превенция же в тот период во многом осуществлялась путем социализации лица, совершившего преступление: расширился перечень наказаний без изоляции от общества; появились дополнительные основания освобождения от уголовной ответственности, в том числе, связанные с применением мер общественного воздействия; оказанное преступнику доверие (например, при условном осуждении или условно-досрочном освобождении от наказания) требовало примерного поведения и честного отношения к труду, что свидетельствовало о возрастании нравственно-воспитательных начал уголовного права того времени в целом (с. 24-27).

Обстоятельному анализу подвергнуто в работе также развитие Общей части уголовного законодательства Приднестровской Молдавской Республики в период после провозглашения государственного суверенитета (1991–2002 гг.). На этом этапе было введено понятие тяжкого преступления (ст. 7-1); появились нормативные предписания о совершении преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ст. 17-1), об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 24-1), о направлении в воспитательно-трудовой профилакторий (ст. 32-1) и др.; исключены в силу территориальной нереализуемости такие виды наказания как ссылка (ст. 25) и высылка (ст. 26); ряд статей были изложены в новой редакции (ст. 22, ст. 29, ст. 42 и др.). В частности, были сужены сферы применения правил назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, а также смертной казни – по кругу преступлений и лиц, их совершивших. В целом, по мнению К.Н. Гудимы, в качестве суммарного результата новелл УК МССР, действующего на территории ПМР в названный период, можно назвать курс на продолжение тенденции в рамках его Общей части к превалированию либерального начала над репрессивным (с. 37-41).

В начале *второй главы диссертации «Общая часть уголовного законодательства Приднестровской Молдавской Республики в современный период»* (с. 46-90) автором подробно рассматривается процесс подготовки и принятия УК ПМР 2002 г. Здесь делается общий вывод о том, что УК ПМР 2002 г. – это кодифицированный нормативный правовой акт, основанный на Конституции ПМР 1995 г. и общепризнанных принципах и нормах международного права, выступающий базовым источником уголовного права республики. В основу его композиционного построения и содержательной составляющей был взят УК РФ 1996 г., потому, на взгляд соискателя, можно говорить и о восприятии его концепции в целом, балансирующей между

интенсификацией уголовно-правовых мер борьбы с преступностью и либерализацией в отношении лиц, совершивших преступления, которые не обладали большой общественной опасностью (с. 49-54).

В диссертации даются также основные характеристики Общей части УК ПМР 2002 г., отличающие его от действовавшего ранее УК МССР 1961 г., тем самым определяющие качественно новый этап истории развития уголовного законодательства Приднестровья, а именно: провозглашение задачи обеспечения мира и безопасности человечества; закрепление принципов уголовного законодательства; описание условий уголовной ответственности и форм вины; приведение системы наказаний в соответствие с социально-экономическими и политическими условиями жизнедеятельности государства (с. 58-63).

Кроме того, во второй главе работы представлен разноректорный сопоставительный анализ построения нового УК ПМР: по «исторической вертикали» (в сравнении с ранее действовавшим УК МССР, а также изменениями до настоящего времени) и «по горизонтали» (выявление сходства и различия в архитектонике Общих частей уголовных кодексов ПМР, РФ и Республики Молдова). В результате было установлено, что отдельные нормативные предписания, представляющие уголовно-правовую материю в контексте ее Общей части, помимо УК ПМР 2002 г., содержатся также в достаточно широком круге других источников права. К ним, по мнению К.Н. Гудимы, относятся: отдельные статьи Конституции ПМР 1995 г.; самоисполнимые общепризнанные принципы и нормы международного права (о его принципах и действии в пространственно-временной сфере и др.); некоторые международные договоры ПМР (например, Соглашение об основах оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам между государствами – участниками Сообщества «За демократию и права народов» от 4 ноября 2007 г.); Закон от 7 июня 2002 г. «О введении в действие УК ПМР»; ряд статей УИК ПМР и УПК ПМР 2002 г.; указы Президента ПМР (например, Указ от 6 июля 1999 г. «О введении моратория на применение смертной казни»); акты, регламентирующие институты амнистии и помилования (но не конкретные правоприменительные акты о помиловании); «потенциальные источники» – законодательные акты военного времени и акты Конституционного Суда ПМР, формирующие так называемое негативное правотворчество, т.е. которые после их принятия могут заблокировать действие отдельных (противоречащих Конституции) нормативных предписаний УК (с. 65-76, 84-85).

В диссертации заострено внимание на том обстоятельстве, что акты амнистии и помилования определяют в качестве одного из условий применения каждого из них обязательное возмещение ущерба потерпевшему. Такого рода условие нашло отражение, в частности, в постановлении № 3491 Верховного Совета ПМР от 2 июля 2020 г. «О порядке применения Постановления Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики “Об амнистии в

связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и тридцатой годовщиной образования Приднестровской Молдавской Республики”». В свою очередь, с 2018 г. в Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в ПМР закреплено, что помилование, как правило, не применяется в отношении осужденных, не возместивших ущерб потерпевшим и (или) гражданским истцам и (или) не уплативших штраф, назначенный судом в качестве дополнительного наказания. Ранее же возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, лишь принималось во внимание при рассмотрении соответствующего ходатайства (что закреплено и в российском праве), но не предопределяло саму возможность помилования. Согласимся с К.Н. Гудимой в том, что отмеченная линия на усиленную защиту прав потерпевших заслуживает самой положительной оценки с позиции реализации как принципа гуманизма, так и концепции уголовного права ПМР (с. 77).

Солидарны мы и с выводом соискателя о том, что акты толкования Пленума Верховного Суда ПМР не могут признаваться формальными источниками уголовного права, что подтверждено содержанием Закона «Об актах законодательства Приднестровской Молдавской Республики» от 7 мая 2002 г. № 123-З-III (с. 82). Другое дело, и в этом также трудно спорить с автором, что разъяснения Пленума Верховного Суда ПМР имеют важное значение для формирования единообразной судебной практики, и этот вывод проиллюстрирован в работе рядом убедительных примеров. Например, следующим правилом, сформулированным Пленумом: если размер похищенного является мелким, но лицо обвиняется в краже, совершенной с незаконным проникновением в жилище, то его действия подпадают под признаки другого преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 136 УК ПМР (нарушение неприкосновенности жилища), что влечет переквалификацию, а не прекращение уголовного дела (с. 83-84).

Далее в диссертации сопоставляются модели построения Общей части УК ПМР 2002 г. и УК Республики Молдова 2002 г., показываются их принципиальные отличия. Так, специфическими структурными элементами Общей части УК Республики Молдова 2002 г. выступают главы XII «Квалификация преступления» и XIII «Значение некоторых терминов или выражений в настоящем кодексе». Различия наблюдаются в целом во всех институтах Общей части сравниваемых Кодексов. В частности, в УК Республики Молдова закреплены: запрет не только на применение уголовного закона по аналогии, но и на ухудшающее положение лица расширительное его толкование (ч. 2 ст. 3); пятизвенная категоризация преступлений, дополнительно включающая чрезвычайно тяжкие преступления, т.е. наказуемые пожизненным заключением умышленные деяния (ч. 6 ст. 16); уголовная ответственность юридических лиц (ч. 3-5 ст. 21, ст. 63. ч. 4 ст. 64, ст. 73, ст. 74); различные дефиниции: единичного (ст. 28), длящегося (ст. 29), продолжаемого

преступления (ст. 30), множественности преступлений (ст. 32) и т.д. Характерно, что все вышеперечисленные нормативные предписания не имеют аналогов и в УК РФ 1996 г. В то же время, нельзя не заметить, что ПМР и Республика Молдова, в отличие от РФ, сохранили единый подход к нумерации новых нормативных предписаний, включаемых в Уголовный кодекс: ст. 17 Закона «Об актах законодательства ПМР» предписывает к предшествующим порядковым номерам соответствующих статей добавлять через дефис дополнительные цифровые обозначения, начиная с первого (с. 85-88).

После столь тщательного и многоаспектного анализа вывод К.Н. Гудимы о самостоятельности ПМР в определении векторов развития уголовного законодательства и уголовно-правовой политики в целом выглядит как вполне обоснованный и убедительно аргументированный. Равно как и мнение автора о принадлежности уголовно-правовой системы ПМР к восточной модели романо-германской правовой семьи (с. 89-90).

Значительный интерес представляет *третья глава диссертации «Основные направления и перспективы совершенствования Общей части Уголовного кодекса Приднестровской Молдавской Республики (в контексте нормотворческого и правоприменительного опыта Российской Федерации)»* (с. 91-123).

В начале данной главы дается критическая и обоснованная, на наш взгляд, оценка высказанной в приднестровской научной литературе идее об отказе от категории «общественная опасность» как имманентного признака преступления в пользу категории «причиненный вред» (с. 94). Надо сказать, что подобные идеи давно муссируются и в российской уголовно-правовой доктрине, правда, безрезультатно, что представляется закономерным. И дело здесь не в том, что отказ от общественной опасности как базовой категории уголовного права ПМР (равно как и России) не обусловлен исторически (например, в УК МССР 1961 г. ей отводилась большая роль при оценке деяния и выборе меры уголовно-правового характера, применяемой к лицу, совершившему преступление) (с. 95). И даже не в том, что общественная опасность выражается не только в причинении вреда, но и в реальной возможности наступления негативных последствий (с. 95). История, конечно, «наше всё», но и жизнь не стоит на месте. А что касается понимания опасности в том числе как угрозы причинения вреда, то и категория «вредоносность» традиционно трактуется юристами широко и охватывает как реальный (наличный), так и потенциальный вред.

Дело, по нашему убеждению, в другом. Вряд ли кто-то осмелится спорить с тем тезисом, что вредоносность преступлений существенной выше вредоносности иных правонарушений, включая административные. Это общепризнанный факт. Если какое-то неуголовное нарушение достигает существенного уровня вредоносности, то его нужно криминализировать, если, наоборот, преступление утрачивает это качество – декриминализировать. И вот для

обозначения данного (повышенного) уровня вредоносности и используется специальный термин (может не совсем удачный и условный) – «общественная опасность». Он обозначает *существенную вредоносность* преступления или деяния, заслуживающего криминализации. Можно, конечно, отказаться от этого термина, но зачем «изобретать велосипед»? Суть вещей останется прежней. И возникает риторический вопрос: к чему этот малопродуктивный спор? Тем более что понятие «вредоносность» адекватной заменой «общественной опасности» в принципе являться не может из-за своего широкого содержания и объема, ориентированного на любое правонарушение. Именно по этим причинам мы всецело поддерживаем автора, доказывающего целесообразность сохранения признака общественной опасности в определении преступления.

В качестве объектов основных направлений оптимизации института преступления, требующих дальнейшего детального изучения на доктринальном уровне, в работе резонно называются: рецидив преступлений (в контексте уточнения соотношения понятий «осуждение» и «судимость»); невменяемость (в части разработки ее медицинских и психологических критериев); юридическое и фактическое окончание преступления, а также добровольный отказ от преступления (с точки зрения стадий совершения последнего); формы соучастия в преступлении (особенно, такие из них как организованная группа и преступное сообщество); обстоятельства, исключающие преступность деяния (в частности, необходимая оборона и обоснованный риск) (с. 97-102).

В целом же структура и содержание нормативных предписаний, образующих институт преступления, оцениваются в диссертации положительно, что, по мнению К.Н. Гудимы, отнюдь не исключает возможность повышения эффективности их применения за счет своевременных разъяснений Пленума Верховного Суда ПМР, а также активизации интерпретационной деятельности Верховного Совета и Конституционного Суда ПМР (с. 102-103).

Помимо этого, в диссертации дается комплексная оценка законодательным новеллам в регламентации института наказания в УК ПМР. Отмечается, что в действующих УК ПМР и РФ не совпадают как виды наказаний, так и их размеры (сроки) и основания применения. Например, в УК ПМР из системы наказаний исключены арест и ограничение свободы, но сохранена конфискация имущества; по общему правилу, лишение свободы на определенный срок назначается от 6 месяцев до 25 лет (в то время как в РФ – от 2 месяцев до 20 лет); различаются объекты преступных посягательств, с учетом которых может назначаться пожизненное лишение свободы.

Здравыми и взвешенными представляются нам рассуждения соискателя о такой хрестоматийной проблеме уголовного права как смертная казнь. В работе аргументируется тезис о том, что смертную казнь нельзя рассматривать как панацею, некое универсальное превентивное средство. «Наказание, – справедливо отмечается в работе, – имеет дело с последствиями преступления,

но не может воздействовать на его причины, поскольку они вплетены в сложную систему социально-личностной детерминации с мощными факторами, остающимися вне досягаемости закона. Поэтому надеяться на то, что на них повлияет наказание, – бесполезно». С другой стороны, смертную казнь есть смысл применять «в отношении тех лиц, которые совершили масштабные и жесточайшие преступления против жизни, и исправление которых невозможно в силу непреодолимой акцентуации мотивов совершения подобных преступлений» (с. 120). Речь идет, среди прочих, о серийных убийцах с маниакальными чертами личности. Отсюда, по мнению автора, «важным вектором совершенствования системы наказаний УК ПМР является рассмотрение всей общественностью ПМР вопроса о смертной казни. Согласимся с тем, что это позволит заметно укрепить демократические тенденции построения уголовного законодательства, а также продемонстрирует приверженность ПМР международным правовым ценностям» (с. 121).

В качестве перспективных направлений совершенствования законодательного описания института наказания в УК ПМР автор с полным на то основанием рассматривает устранение нарушений системности между Конституцией ПМР и УК ПМР, различными положениями Общей части УК ПМР, а также нормами Общей и Особенной частей УК ПМР. Кроме того, соискатель небезосновательно призывает юридическую общественность Приднестровья к широкому обсуждению таких проблем как: достижение целей наказания в случае уплаты штрафа родителями несовершеннолетнего; детализация объема правоограничений при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; целесообразность и эффективность наказаний в виде ограничения по военной службе и содержания в дисциплинарном воинском подразделении; возможность выделения в рамках исправительных работ двух их видов («традиционных» и «с ограничением свободы»); окончательное нормативное закрепление юридического статуса смертной казни и возможности ее реального применения (с. 122-123).

Заслуживает поддержки и генеральный вывод соискателя: уголовное право ПМР на современном этапе при сохранении и использовании позитивного опыта РФ постепенно приобретает свою самостоятельность и индивидуальность, что можно оценить положительно с точки зрения государственной идентичности ПМР в целом (с. 128-130).

Следует подчеркнуть, что автореферат диссертации отвечает предъявляемым требованиям и адекватно отражает содержание диссертации. В опубликованных К.Н. Гудимой работах нашли достаточно полное отражение полученные в ходе научного исследования результаты, в том числе в ведущих научных рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства высшего образования и науки РФ.

Весьма положительно оценивая подготовленный К.Н. Гудимой труд, представляется необходимым, вместе с тем, обратить внимание на ряд небесспорных его положений.

1. Автор, проявив завидную научную смелость, взялся за фактически непосильный труд – на уровне кандидатской диссертации раскрыть итоги и перспективы развития всей Общей части уголовного законодательства отдельной страны. Не секрет, что в свое время научному руководителю соискателя для решения аналогичной задачи потребовалось подготовить *докторскую* диссертацию. В итоге, взявшись «объять необъятное», и на этом поприще, действительно, много потрудившись, соискатель, тем не менее, оставил без внимания ряд узловых вопросов заявленной темы. Так, даже план работы показывает, что анализ перспектив совершенствования Общей части уголовного законодательства ПМР сведен автором, во-первых, только к УК ПМР, хотя одним лишь Кодексом круг уголовно-правовых источников, по его же мнению, не замыкается. А, во-вторых, и это главное, все перспективы оцениваются в контексте двух институтов – преступления и наказания. Иные институты Общей части – «Уголовный закон», «Назначение наказания», «Освобождение от уголовной ответственности», «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и др. – оставлены «за кадром». При чем тем же институтом уголовного закона охватывается такой фундаментальный вопрос, определяющий развитие всего уголовного права, как круг и содержание его принципов. К сожалению, ограниченный лимит кандидатской диссертации не позволил автору всесторонне рассмотреть даже два названных института. В частности, в институте преступления оставлены без авторской оценки проблемы введения в уголовное право категории уголовного проступка, ответственности юридических лиц и т.д. Но, еще раз справедливости ради заметим, что *названные возможные упущения обусловлены, как представляется, многомерностью исследуемой темы и масштабностью творческого замысла автора.*

2. Небесспорно решен в работе вопрос о перечне источников уголовного права ПМР. В частности, к ним отнесены общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры ПМР (с. 11, 67-68), а также Конституция ПМР 1995 г. (с. 11, 72-73). Обязательность этих документов как в ПМР, так и в России сомнений не вызывает. Спор идет лишь о формальном статусе этих актов, т.е. о том, источники они уголовного права (как в России, так и в ПМР) или же нет. И здесь показательна позиция законодателя, отраженная в ч. 2 ст. 1 УК ПМР (равно как и в ч. 2 ст. 1 УК РФ) о том, что уголовное законодательство лишь *основывается* на Конституции, общепризнанных принципах и нормах международного права. Это совершенно верный, на наш взгляд, подход. Действительно, международные договоры – источник не национального, а международного уголовного права. Из Конституции ПМР (и РФ также) отнюдь не следует вывод, что национальные и международные акты

смешаны, поэтому и установлен приоритет вторых над первыми. Иными словами, это разные уровни уголовно-правового регулирования, а речь ведь идет об источниках *национального* уголовного права. В свою очередь Конституция – это источник конституционного права. Те же вопросы, касающиеся уголовного права, которые решены в Основном законе (например, о смертной казни), относятся к предмету конституционно-правового регулирования, включающего в себя определение основных прав и свобод человека. Естественно, Конституция может быть непосредственно применена при разрешении уголовного дела, если ей противоречит УК. Однако применяться она будет как источник конституционного, а не уголовного права. То есть как нормативный акт, обладающий большей юридической силой, нежели УК, и имеющий прямое действие на всей территории страны.

3. Спорными и противоречивыми представляются также суждения автора о круге и наименовании институтов Общей части уголовного права ПМР, к которым отнесены шесть институтов: преступления, наказания, назначения наказания, уголовной ответственности (ст. 74-85 УК ПМР), уголовной ответственности несовершеннолетних, принудительных мер уголовно-правового характера (с. 92-93). Во-первых, на с. 105 в определении института наказания указывается, что он включает и нормы о назначении наказания. Отсюда, либо указанное определение неточно, либо выделение самостоятельного института назначения наказания излишне (на наш взгляд, ошибка кроется в дефиниции, и общность норм о назначении наказания является самостоятельным институтом). Во-вторых, наказание при всей дискуссионности его соотношения с уголовной ответственностью является ее мерой или видом (пусть и не единственным). Значит, выделение наряду с институтом наказания еще и института уголовной ответственности, как минимум, нелогично. Если же учесть, что в ст. 74-84 УК ПМР регламентируются основания освобождения от ответственности и наказания, то правомерно выделять институты не уголовной ответственности, а освобождения от нее и освобождения от наказания или, в крайнем случае, один интегрированный институт, объединяющий данные нормы. Наконец, труднообъяснимым является отказ автора от включения в рассматриваемый круг института уголовного закона, которому посвящен самостоятельный (первый) раздел УК ПМР.

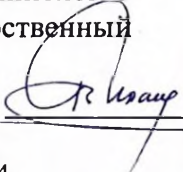
Однако данные замечания (к тому же во многом дискуссионные) не способны поколебать ранее сделанный вывод о надлежащем качестве и добротности представленного научного труда. На основании изучения текста диссертации, автореферата и опубликованных соискателем работ можно заключить, что диссертация Гудимы Кристины Николаевны «Общая часть уголовного законодательства Приднестровской Молдавской Республики: итоги и перспективы развития»:

- написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку;
- содержит сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов и рекомендации по реализации выводов;
- в полной мере апробирована и представлена в десяти опубликованных работах автора, пять из которых размещены в ведущих рецензируемых научных журналах из списка изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Таким образом, не вызывает никаких сомнений, что автором выполнена комплексная, законченная и творческая научно-квалификационная работа, которая содержит решение актуальной задачи, имеющей существенное значение для развития уголовно-правовой науки – задачи оптимального построения Общей части уголовного законодательства ПМР, соответствующая критериям, установленным п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020). В связи с этим ее автор – **Гудима Кристина Николаевна** – заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности **12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право**.

Отзыв подготовлен деканом юридического факультета, заведующим кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», доктором юридических наук, доцентом Иванчиным Артемом Владимировичем, обсужден и единогласно («за» - 13; «против» - 0; «воздержались» - 0) одобрен на заседании кафедры (протокол № 6 от 06 февраля 2021 года).

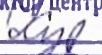
Декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
доктор юридических наук, доцент

Артем Владимирович Иванчин

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14,
раб. тел.: 8 (4852) 30-85-21
e-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
<http://www.uniyar.ac.ru>

Подпись заверяю:
Заместитель начальника управления
Директор центра кадровой политики
 Л.Н. Куфина